

В автобиографии живописца Алексея Козлова (1925–1977), написанной 20 ноября 1964 года в деревне Трошино, мы читаем: «С девятого класса я пошел на фронт и, как дорогую мне книгу, взял книгу о художнике Левитане. Она осталась в вещмешке, простреленном под Днепром в 1943 г. Я тоже был ранен в правую руку. И полгода меня лечили в госпитале. Рука долго не разжималась. Но, как только я смог держать карандаш, я стал рисовать портреты товарищей по палате и с их фотографий. Я мечтал все же стать художником».

В семейном архиве сохранился военный билет под номером 0773857. Из него мы узнаем, что деревня Трошино в то время административно относилась к Павинскому району. И призывной комиссией при Павинском районном военном комиссариате Костромской области семнадцатилетний Алексей Козлов был признан годным к строевой службе и направлен 3 января 1943 года в Архангельское военное пулеметное училище, где в качестве курсанта проходил обучение с января по август 1943 года. 1 мая рядовой Алексей Козлов принял присягу. Из училища он добровольцем уходит на фронт.

30 августа, имея военно-учетную специальность стрелок, он становится на защиту Родины в 924-м стрелковом полку, действовавшем под началом подполковника Ивана Феоктистовича Чуйкина. Полк являлся составной частью 252-й стрелковой дивизии, сформированной в самом начале войны – 28 июня 1941 года. Дивизия эта в истории Великой Отечественной войны известна как Харьковско-Братиславская Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия. Она в то время, когда начал воевать мой отец, входила в состав Степного фронта 53-й Армии.

Шла подготовка ко второму этапу битвы за Днепр. Неразрывной частью этого этапа стала Пятихатская наступательная операция (15 октября – 23 ноября 1943 года). Она велась под командованием генерала Ивана Степановича Конева. Против Конева выступил сильнейший противник – генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Он был неформальным лидером немецкого генералитета, имевшим репутацию наиболее одаренного стратега в Вермахте.

На пятый день Пятихатской операции Степной фронт был преобразован во 2-й Украинский. Но... стрелок Алексей Козлов уже не участвовал в боях. За три недели до этих событий, 24 сентября, он был тяжело ранен в правую руку – перелом лучевой кости. Как знать, может быть, это ранение спасло ему жизнь.

Пройдя всего лишь восьмимесячную подготовку, молодой боец навряд ли бы выжил, форсируя Днепр. На подступах к Днепру численность советских войск составляла один миллион триста тысяч человек. Безвозвратных потерь на подступах к реке было 173 000. А непосредственно в самой битве за Днепр они составили более 400 000 человек.

«Он раскрыл глаза и увидел, что поезд идет вдоль гор. Над горами синело чистое бесконечное небо, снега на вершинах блестели ровно и владычественно. Воздух, чистый и спокойный, бил в раскрытое окно. Дышалось облегченно. Алексей смотрел туда, в сторону гор, и ни о чем не думал, но знал, что его везут в госпиталь, на юг, в страну солнца и яблок. В Баку», – так описывает путь в 1491-й эвакуационный госпиталь друг отца – писатель Юрий Николаевич Куранов в книге «Озарение радугой», посвященной художнику.

Под госпиталь бакинцы предоставили красивое довоенное здание Азербайджанской государственной консерватории с шестиколонным портиком-эйваном и иными элементами и мотивами национальной архитектуры. Почти полгода Алексей Козлов находится там на излечении – с самого конца сентября 1943-го по 10 марта 1944-го. В военном билете читаем запись: «10 марта 1944 г. по ранению уволен и направлен в Павинский РВК Костромской области». Там, на пороге своего 19-летия, он должен был встать на военный учет.

«Еще дома, и потом в училище, снился ему один и тот же сон: вдали на вершине чистого поля горит хутор. Над хутором кровавый столб дыма, и огонь пожирает эту кровавость изнутри. Изба алая, сарай вокруг тоже алеют, нестерпимо раскален колодезный журавль, он раскачивается в воздухе от горения, и огненные яблоки летят от него во все стороны. В окнах лопаются рамы и вылетают вместе со стеклами. Столб огня, дыма и крови поднялся во все небо, он клубится», – сон, описанный Юрием Курановым, воплотился в картине «Воспоминание о 1941-м», написанной летом 1975 года.

Вообще, Алексей Никифорович не любил вспоминать о войне. И в творчестве его эта картина представляет единичный случай, где живописец драматургией цвета и контрастами образов (маленькая, беззащитная изба на кромке земли и над ней огромное клубящееся облако-гриб во весь холст, подобное взрыву атомной бомбы) передает свое отношение к войне как к трагедии для жизни на Земле.

Единичный, если не считать несохранившейся картины студенческих лет конца сороковых. Вот как об этом вспоминал, в затянувшейся за полночь беседе, друг папы по Костромскому художественному училищу Георгий Александрович Вопилов: «Решил как-то Алексей написать портрет героя Великой Отечественной войны Юрия Смирнова, уроженца города Макарьева Костромской области. Смирнов после долгих пыток был распят фашистами на кресте. Козлов подготовил холст высотой два с половиной метра и пригласил Николая Дорина, студента из Кинешмы, позировать ему в качестве натурщика. Сеансы работы с натурщиком в старых полутемных коридорах общежития художественного училища проходили весьма оригинально. Алексей Козлов принес две доски, сколотил из них крест. Дорин ложился на крест, Алексей привязывал веревкой его руки и ноги к перекладинам, ставил рядом свечу и писал. В результате на холсте можно было увидеть следующее: дыра в потолке, сквозь нее проглядывает ночное небо со звездами, и в полный рост распятый на кресте человек. Работал Алексей над картиной целую зиму. Написана она была реалистично, но в характерной уже тогда для Козлова живописной манере, свойственной только ему. Законченное полотно утром понесли по улице Ленина в училище. Лидия Константиновна, жена директора училища Николая Павловича Шлеина, увидев холст, испуганно закричала: "Уберите картину, на нее страшно смотреть!" Дальнейшая судьба этой работы точно неизвестна».

Находясь в госпитале, Алексей подружился с таким же, как и он, молодым парнем из Донбасса Владимиром Ивановым. Раненых бойцов объединила любовь к искусству, желание непременно стать настоящими художниками-профессионалами.

Расставшись в начале марта 1944 года, они уже в начале апреля начинают писать друг другу письма. В нашем семейном архиве сохранилось три письма от Владимира Д. Иванова. Текст их публикуется впервые. Сохраняю авторскую орфографию и пунктуацию.

Первое письмо датируется 5 мая 1944 года.

«Добрый день Алеша!

Я вспомнил, что когда-то в госпитале ты вспоминал мне про "Княжну Тараканову" И дома я уже про её вспомнил, решил тебе послать маленький рисуночек карандашами, потому что маслом рисовать, в письмо не влезет. Рисовал ровно два часа, начал в одиннадцать и кончил в час ночи. Алеша не унывай иди смелей вперед. Не забывай меня не тужи и пиши почаще письма – как я. Ты мне писал, что мои письма и рисунки тебя радуют – это правда, но однако с только с одной стороны...

Жди на днях другое письмо, а пока до свидания, жму тебе руку, твой друг В.Д. Иванов».

Из письма мы видим, какие темы волновали, идущих на поправку, солдат. До окончания Великой Отечественной войны был почти год, а русский парень Алексей Козлов из Костромского лесного хутора Трошино и украинский парень Владимир Иванов из Донбасского города Сталино, так до 1961 года назывался Донецк, мыслями своими были уже в мирной жизни – там, где они осуществят свою самую заветную мечту – стать художниками. В одном из таких разговоров о живописи, об искусстве мой отец поделился своими впечатлениями о некогда его поразившей картине Константина Дмитриевича Флавицкого (1830–1866) – мастера стиля «академического романтизма», последователя Карла Брюллова.

Другое письмо Владимир пишет уже через 16 дней. Оно написано на почтовой открытке с черно-белой репродукцией картины Алексея Кондратьевича Саврасова «После грозы» (1870-е гг.). Письмо датировано 21 мая 1944 года:

«Добрый день Алеша, сообщу, что я жив и здоров. Алеша дарю тебе на память "После грозы" А. Саврасова. фото. карт. Сейчас я очень много, как никогда, пишу картин. Написал портрет маслом "Богдан Хмельницкий".

Погода в Донбассе очень хорошая и наступила жара, что я вчера купался в ставке, на каморе хорошо плавать. Жди следующее, более интересное письмо, а пока до свидания. Передай привет матери и сестре. Остаюсь В.Д. Иванов».

Более интересное письмо датируется 1 июня 1944 года:

«Привет из Донбасса Здравствуй Алеша.

Шлю тебе портрет моего Отца (35 лет) срисованный с фото-карт. за 15 минут Я засекал время нарочно поспорив с одним, который стоял при этом и считал секунды (вроде секунданта) Несмотря на спешку работы портрет вышел чрезвычайно точно и решил отослать тебе, потому что обязался писать и слать тебе письма всегда с каким нибудь пейзажиком-эскизом или портретом-образцом и Сегодня (даже руки еще не помыл) написал “Собачонка в корзинке” маслом на фанере Удивительно прелестно вышел из под кисти моей руки (смотря на неё, нельзя не улыбнуться) Мать и другие (сейчас и минуту, когда я пишу письмо они рассматривают и не верят что вот этими кисточками можно так сделать такой правдивый волосок очень тоненький и такие собачьи глаза. Ауфидерзейн Алеша, желаю тебе счастья, [одно слово неразборчиво] привет от меня матери».

Вот такие три письма – три свидетельства фронтовой мужской дружбы. Почему переписка прервалась, мы уже никогда не узнаем.

Был у папы еще один фронтовой друг – А. Варламов. От него только одно свидетельство – карандашный портрет (возможно, автопортрет), датированный 14 января 1945 года. И подпись: «Другу моему – Козлову Алексею Январь 1947 г.».

«Как некогда в школу, Алексей уходил в училище с холщовой сумкой через плечо, но на этот раз был с ним и этюдник. Старый Никифор стоял на крыльце, потом вышел за ворота и долго смотрел вслед сыну, и на глаза его свинцовой синевой накатывало слезы. Алексей сначала шагал нервно, останавливался, оглядывался на избу, на отца, прикрывая непокрытую голову от ветра ладонью. И, казалось, ветер вертит парня там, на тропинке, во все стороны раздувая пальто. Потом Алексей сложил ладони вокруг рта, пригнулся, но выпрямился и звонко крикнул издали:

– Не плачь, тятя, я вернусь большим художником. И помахал рукой, и скрылся в ельнике над логом».

**Мария Козлова, дочь художника,
кандидат искусствоведения**